

## РУССКО-ФРАНЦУЗСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ЗЕРКАЛЕ БОНАПАРТИСТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ (1800-1801 ГГ.)

*А.А. Митрофанов*

Переворот 18 брюмера VIII года Республики открыл новую страницу не только в истории Франции, но и во франко-русских отношениях. Начавшееся в 1800-1801 гг. сближение Франции и России позднее не раз привлекало внимание историков, правда, оценивали они его по-разному<sup>1</sup>. А. Сорель, например, считал политику Наполеона, направленную на поиск альянса с Петербургом, погоней за «химическим союзом». Этот взгляд нашел отражение и в работах некоторых других исследователей<sup>2</sup>. А.З. Манфред, наоборот, видел в смене Бонапартом внешнеполитических приоритетов и сближении с Россией проявление государственной мудрости и высочайшего политического реализма<sup>3</sup>. Любопытно, что в пользу каждой из этих диаметрально противоположных точек зрения их сторонники приводили достаточно веские аргументы.

В данной связи особый интерес представляет вопрос о мотивах, которыми руководствовались правители России и Франции, идя на

---

*Андрей Александрович Митрофанов, аспирант Государственного университета гуманитарных наук.*

<sup>1</sup> См., например: *Сорель А.* Европа и Французская революция. СПб., 1906. Т. 6; *Трачевский А.С.* Политика примирения между Павлом I и Бонапартом // Сборник Русского исторического общества (РИО). Т. 70. СПб., 1910. С. XV-XXVII; *Вербицкий Э.Д.* Русско-французские отношения в конце 1799-1800 гг. Поворот от войны к миру // Херсонск. сельскохоз. ин-т. Ежег. науч. работ. Вып. 1961 г. Херсон, 1961. С. 47-55; *Он же.* Вторая попытка примирения дворянской России и буржуазной Франции. Переговоры о мире и союзе (сентябрь 1800 – март 1801 гг.) // Там же. С. 56-67; *Он же.* Первое соглашение дворянской России и буржуазной Франции. Мирный договор и секретная конвенция // Ученые записки Кишиневского университета. Кишинев, 1963. Т. 65. С. 71-86; *Манфред А.З.* Наполеон Бонапарт. М., 1971. С. 331-373; *Dard E.* Napoléon et Talleyrand. P., 1947, *Driault E.* Napoléon et l'Europe. La politique extérieure du premier consul 1800-1803. P., 1910, *Poniatowski M.* Talleyrand et le Consulat. P., 1986 и др.

<sup>2</sup> См., например: *Борщак И.* Наполеон и Украина Львів, 1937. При всей тенденциозности сочинения И. Борщака, необходимо заметить, что он одним из первых обратился к изучению образа России в общественном сознании революционной Франции.

<sup>3</sup> *Манфред А.З.* Указ. соч. Гл. 9.

такое сближение. Об этих мотивах отчасти можно судить по тем аргументам, которыми обе стороны оправдывали в глазах общественного мнения необходимость столь крутого поворота в своей внешней политике. Особенно это касается Наполеона, который в начальный период становления своего режима личной власти вынужден был гораздо больше считаться с общественным мнением, нежели его российский контрагент Павел I.

Хотя различные аспекты бонапартистской пропаганды неоднократно освещались в работах разных авторов<sup>4</sup>, тем не менее, целостная картина ее аргументации в пользу союза с Россией на сегодняшний день в исторической литературе отсутствует<sup>5</sup>. Одного из эпизодов этой пропагандистской кампании мы и коснемся в настоящей статье.

\* \* \*

Образ России, после 1789 г. еще сохранявший на себе отблески «русского миража» эпохи Просвещения, в годы Революции постепенно претерпел существенные изменения. Войны Екатерины II с Турцией и Швецией, кровавое взятие Измаила, участие России в разделах Польши и беспощадный штурм варшавского предместья Прага произвели весьма негативное впечатление на Европу. В революционной же Франции оно еще больше усугублялось тем, что Екатерина II морально поддерживала антифранцузскую коалицию и оказывала помощь эмигрантам, а вступивший после ее смерти на престол Павел I направил войска Суворова в Западную Европу, где они успешно громили армии Французской республики. Неудивительно, что просветительский миф о «Северной Семирамиде» постепенно забывался. Жирондистская и якобинская пропаганда не выделяла Россию из коалиции «коронованных

---

<sup>4</sup> См.: Тарле Е.В. Рабочий класс и контрреволюционная пропаганда в эпоху Французской революции // Современный мир. 1909. № 1. С. 41-61; Он же. Печать во Франции при Наполеоне I // История печати: антология. Т. 2. М., 2001. С. 367-434; Corbet Ch. A l'ère des nationalismes: L'opinion française face à l'inconnue russe (1799-1894). P., 1967. P. 42 et suiv. ; Cabanis A. La presse sous le Consulat et l'Empire 1799-1815. P., 1975; Попов Ю.В. Печать Франции периода Консульства и Империи // Вестник МГУ. Сер. 10. Журналистика. 1982. № 1-2; Туган-Барановский Д.М. Наполеон и власть. (Эпоха Консульства). Балашов, 1993. См. также соответствующие статьи в кн.: Dictionnaire Napoleon / Sous dir. J. Tulard. P., 1987.

<sup>5</sup> К сожалению, немного изменилось за четверть века с тех пор, как исследователь франко-русских отношений наполеоновского периода В.Г. Сироткин писал: «В исторической литературе и в СССР, и за рубежом до сих пор отсутствует целостная картина этой крайне интенсивной идеологической борьбы, первой в истории нового времени попытки бонапартизма и царизма использовать пропагандистские приемы и методы в военном и дипломатическом противоборстве». — Сироткин В.Г. Наполеоновская «война перьев» против России // НиНИ. 1981. № 1. С. 138.

тиранов» и касалась российской темы как раз только для того, чтобы опровергнуть прежние апологетические суждения об Екатерине и заклеить ее как воплощение деспотизма, коварства, порочности и «честолюбия» тиранов<sup>6</sup>. Образ России формировался в новых политических условиях путем восстановления старых негативных стереотипов по принципу «мозаики»: в дело шли и давние аргументы в пользу создания «восточного барьера» против России, и устойчивые представления об отсталости русской цивилизации, рабстве, деспотизме и невежестве, царящих в этой империи, большую часть которой составляют безлюдные «ледяные пустыни».

Позиция термидорианцев и Директории в данном отношении была иной. Поворот наметился в тот момент, когда в основу республиканской дипломатии лег принцип чистого прагматизма. Власти Франции были заинтересованы в достижении мира с сохранением всех своих завоеваний. Создание образа единого для всей Европы врага, против которого нужно защищать общие фундаментальные ценности, стало на несколько лет стратегической линией республиканской пропаганды. Революционную риторику теперь использовали в большей степени для «драпировки» целей внешней политики, ориентированной на изоляцию России. В духе этой концепции выступали лидеры термидорианского Конвента: «...Вот уже шестьдесят лет Россия, грубо цивилизуя свои варварские народы, сохраняет в себе необычную мощь, – заявлял с трибуны Конвента Буасси д'Англа. – Она, прибегнув к новейшим тактическим приемам, усмирила китайцев и основала колонии на берегах Америки, преодолела Кавказ и подчинила себе Грузию, навязала законы немалой части Персии, покорила казаков, подавила татар и завоевала Крым, разделила Польшу и, напугав Оттоманскую империю, взбунтовала Грецию, угрожая теперь Константинополю». Буасси завершил выступление призывом к французам, датчанам, шведам, немцам и туркам, вместе «остановить опустошающий бич» «наследников Аттилы»<sup>7</sup>.

Слова о нашествии «наследников Аттилы», были не просто риторическим оборотом: в них отразился традиционный страх европейцев перед российской мощью, свойственные им устойчивые представления об отстающем характере цивилизации в России и не менее давний

---

<sup>6</sup> См.: *Летчфорд С.Е.* Французская революция конца XVIII в. и формирование образа России в общественном мнении Франции // *Европейское Просвещение и цивилизация России.* М., 2004. С. 77-85, *Митрофанов А.А., Оливье-Шахновская Ж.* Образ России в прессе революционной Франции 1789-1792 гг. // *Европа. Международный альманах.* Вып. 5. Тюмень, 2005. С. 86-100.

<sup>7</sup> *Moniteur.* № 133. 13 pluviöse an III (1 février 1795).

стереотип «русской угрозы», который теперь был реанимирован и тиражировался революционными властями<sup>8</sup>. Парадоксально, но Россия, возможно, именно в силу своей удаленности от французских границ, из-за чего во Франции о ней знали очень мало, казалась революционерам наиболее грозной силой. Как точно подметил Ф.М. Гримм «из всех держав, соединившихся против чудовищного правления Франции, самая отдаленная казалась им самой опасной и ее-то они ненавидели больше всего»<sup>9</sup>.

Впрочем, отношение республиканских властей к России не было постоянно враждебным и претерпевало определенные колебания. Первые же известия о смерти императрицы Екатерины II, которую считали самой последовательной противницей Революции, породили предложения установить официальные контакты с Петербургом<sup>10</sup>. Некоторое время внимание французского общества было приковано к личности нового монарха – Павла I. Надежды в обществе были столь высоки, что газеты предсказывали скорое официальное признание правительства Директории Петербургом. Вероятно, то были отголоски проходивших в Берлине француско-русских переговоров, которые, однако, не увенчались успехом. Уже весной 1798 г. Россия стала искать союзников для войны против Франции, после чего отношение русскому царю и его политике в Париже тоже изменилось к худшему. Там убедились, что новый император проводит ту же внешнюю политику, что и покойная Екатерина, и даже с большим рвением.

Вот какую оценку перспективам француско-русских отношений в период создания Второй коалиции давал Талейран, предлагая план будущей войны с Россией: «В настоящий момент нельзя размышлять о том, чтобы направить против России усилия ее соседей. Польши более не существует. Швеция, когда мы восстановим в ней все наше прежнее влияние, не может быть приведена в действие одна без поддержки каким-либо еще наступлением. Мы еще очень далеки от надежды, что Пруссия пожелает связать свое дело с нашим и будет рассматривать

<sup>8</sup> Мезин С.А. Стереотипы России в европейской общественной мысли XVIII века // ВИ. 2002. № 10.

<sup>9</sup> Цит. по: Сборник Русского исторического общества. Т. 2. СПб., 1863. С. 367.

<sup>10</sup> Такое предложение поступило от Л. Карно. (*Barras J.-P. Mémoires de Barras membre du Directoire. T. 2. P., 1895. P. 253*). Остальные члены Директории в тот момент посчитали поспешность излишней и французским представителям в Гамбурге и Берлине было поручено только осуществлять дипломатический зондаж. Посланник Франции в Пруссии Кальяр сделал заявление о намерении Директории вступить в переговоры с русским правительством, о чем вскоре узнали и в Петербурге. Это стало прологом к русско-французским переговорам, в которых с российской стороны принимал участие Н.П. Панин. (*Talleyrand Ch.-M. Mémoires du prince de Talleyrand. T. 1. P., 1953. P. 245*).

наших врагов как своих. Россия без собственных колоний и торговли едва ли может быть подвергнута нападению со стороны государства, не имеющего с ней общих границ. При всем блеске нашего флота, у нас нет и мысли о проникновении на Балтику и вглубь Финского залива. Экспедиция против Архангельска стала бы более легкой в том случае, если бы Северное море не контролировалось почти полностью нашими врагами»<sup>11</sup>. Подчинение Египта Франции может стать тем единственным путем, по которому можно угрожать непосредственно самой России, полагал Талейран. Если Бонапарт укрепится в Египте, писал министр, то он сможет направить часть своих сил против англичан в Индию. Кроме того, восстание в Ирландии заставит Англию оставить позиции в Средиземноморье, а, следовательно, исчезнут препятствия, не позволяющие французскому флоту войти в Черное море и объединиться с турками. После объединения флотов Франция в виде компенсации за присоединенный к себе Египет поможет туркам отвоевать Крым, который для них представляет большой интерес.

Ослабление России и ее военной мощи, лишение ее флота, министр Директории относил к числу стратегических задач: «Разрушение Херсона и Севастополя стало бы одновременно справедливой мезтью за безумное неистовство русских и лучшим средством для успеха на переговорах с турками, дабы получить от них все, что могло бы укрепить наше положение в Африке»<sup>12</sup>, – полагал Талейран. Неудивительно, что в недрах французской дипломатии именно в эти годы родилось такое произведение как «Завещание Петра Великого», изображавшее историю войн и дипломатии в Европе XVIII в. как результат тайного плана российского монарха по захвату господства над европейским континентом<sup>13</sup>.

1799 год, ознаменовавшийся Итальянским и Швейцарским походами австро-русской армии против революционной Франции, казалось бы, лишил русско-французские отношения каких-либо перспектив. Кроме того, изменился к худшему сам образ России во французском обществе. Политикам и публицистам в Париже, похоже, уже не приходила мысль о союзе с Россией. Так, Л. Давид в обширной статье «О возможном завоевании Оттоманской империи Бонапартом», обсуждая

<sup>11</sup> Mémoire de Talleyrand au Directoire exécutif sur la situation extérieure de République Française, 22 messidor an VI (10 juillet 1798). – Цит. по: *Poniatowski M.* Talleyrand et le Directoire 1796-1800. P., 1982. P. 722. Ср.: *Талейран III.* Мемуары. Екатеринбург, 1997. С. 144.

<sup>12</sup> *Poniatowski M.* Op. cit. P. 723.

<sup>13</sup> Подробнее см.: *Мезин С.А.* Взгляд из Европы: французские авторы о Петре I. Саратов, 2003. Гл. 5.

тему расчленения Османской империи и русской экспансии в Европу, выражал надежду на то, что Бонапарт продолжит свой поход и двинется прямо на Константинополь, чтобы, захватив древний восточный город, «повергнуть в ужас» Вену и Петербург. Это позволило бы разрушить вековые планы господства России на Босфоре и оживить очаги сопротивления деспотизму на Севере и Юге Европы. Особые надежды автор статьи возлагал на Польшу: «Кто знает, возможно, и Польша, увидев реюющие стяги свободы, опять поднимет знамя восстания против тиранов?»<sup>14</sup>.

В общественном сознании доминировали расхожие стереотипы «полуварварской» России, грозящей вот-вот выплеснуть свои орды на плодородные земли Европы. Россия оставалась для французов не только «воображаемой» но и, в целом, «чужой» страной<sup>15</sup>. С самого начала военной кампании 1799 г. французская пресса истерично описывала продвижение войск коалиции как повторение древних варварских нашествий на Европу<sup>16</sup>. И только осенью страх, охвативший Францию перед лицом иноземного вторжения и, казалось бы, неминуемым возвращением Бурбонов, уступил место всеобщему вздоху облегчения с получением реляций о победах французских войск в Швейцарии и Голландии. Миф о непобедимости русской армии был развеян.

После переворота 18 брюмера ситуация стала меняться. В общественном мнении эпохи Консульства вновь возродился интерес к России. Как отмечал историк Ш. Корбе, этот интерес в первые годы правления Наполеона выражался, в частности, в появлении сочинений, посвященных русской литературе и словесности. А переведенные тогда же на

<sup>14</sup> David L. De la conquete probable de l'Empire Ottomane par Bonapart // Moniteur. № 279 Nonidi, 9 messidor an VII.

<sup>15</sup> См. например пропагандистский памфлет времен Швейцарской кампании 1799 г.: [Fornerod] Coup d'oeil sur l'état actuel de la Russie envisagée sous ses rapports physique, moral, économique, politique et militaire ou les Russes tels qu'ils sont. Par un ami de la Verité. Lausanne, 1799.

<sup>16</sup> Мари Жозеф Шенье обращал свой гнев против коварной политики Габсбургов. Россию он оценивал вместе со всеми другими членами коалиции: «...О, чудовищная война! Позор и бесчестье нашего философического века! Нелепая коалиция нескольких тиранов столь известных своим безумием! Англия, превозносящая свой дух свободы, поднимается за дело деспотизма, наследник Магомета – за восстановление христианской веры, а император, исповедующий православие, провозгласил себя великим магистром католического ордена и хочет способствовать процветанию папского трона! Глупый Оттоман шагает под одними знаменами со своими непримиримыми врагами, он забыл свои сожженные флоты, свои некогда густонаселенные города, разрушенные и утопленные в крови русскими, жаждающими резни, [забыл] о намерении московитов, которые уже около ста лет угрожают стенам, построенным Константином!» Moniteur. № 265. 25 prairial an VII.

французский труды о России английских и немецких писателей рисовали гораздо более положительный образ этой державы, чем тот, который сложился в общественном мнении Франции к 1800 г.<sup>17</sup> Не остались, впрочем, в стороне и французские авторы. Всплеск исторической публицистики о России приходится именно на период Консульства: дипломаты, литераторы и путешественники вновь открывали соотечественникам российскую действительность (иногда, правда, как, например, у Ш. Масона, она изображалась в мрачных тонах) и вновь обсуждали идеи, высказанные в предыдущие десятилетия, о необходимости союза с Россией<sup>18</sup>.

Наконец, изменился тон сообщений о России в официальной печати: критика суровой военной дисциплины и насмешки над сумасбродствами Суворова остались в прошлом, теперь газета *Moniteur* старалась подчеркнуть достоинства русского императора<sup>19</sup>. Периоды длительного молчания (иногда новостей о России не было месяцами) сменялись красноречивыми статьями с одобрением действий царя и его министров. Так, в письме из Гамбурга сообщалось со ссылкой на немецкие газеты о том, что удача отвернулась от английской дипломатии и Павел более не собирается идти навстречу предложениям лондонского кабинета. «Российский император окончательно решил более не вмешиваться в эту войну, столь чуждую для интересов его империи», сообщал корреспондент газеты<sup>20</sup>. *Moniteur* зорко следил за придворными новостями, приветствуя отставку англофила Н.П. Панина и провал миссии английского военного представителя в российской столице<sup>21</sup>. С нескрываемым удовольствием издание сообщало как о скором и неминуемом факте об отъезде из российской Митава Людовика XVIII со всей его свитой и об очевидных раздорах между Венским и Петербургским дворами<sup>22</sup>. Газета подчеркивала, что, несмотря на «ужасные предубеждения», которые русский император испытывал раньше по отношению к

<sup>17</sup> См. об этом: *Corbet Ch.* Op. cit. P. 55-56

<sup>18</sup> *Eshasseriaux (ainé)*. Tableau politique de l'Europe au commencement du XIXe siècle et moyens d'assurer la durée de la pays générale. P., an X (1802), *Fortia de Piles A.* Examen de trois ouvrages sur la Russie. Voyage de M. Chantreau. Révolution de 1762. Mémoires secrets. Par l'auteur du voyage de deux français au Nord de l'Europe. P., 1802, *Hauterive, A.-M. B. d'.* De l'Etat de la France, à la fin de l'an VIII. P., an IX, *La Messeliere.* Voyage a Petersbourg ou nouveaux mémoires sur la Russie. P., 1803, *Maréchal P.-S.* Histoire de la Russie, réduite aux seuls faits importants. L.; P., 1802, *Masson Ch.* Mémoires secrets sur la Russie. T. 1-4. P., 1800-1803.

<sup>19</sup> В эпоху Консульства *Moniteur* приобрел статус официального издания. Подробнее о прессе времен Наполеона см.: *Cabanis A.* Op. cit.

<sup>20</sup> *Moniteur.* № 209. 29 germinal an VIII.

<sup>21</sup> *Ibid.* № 212. 2 floréal, an VIII.

<sup>22</sup> *Moniteur* № 298. 28 messidor, an VIII.

французам, в своем теперешнем негодовании против австрийцев он готов даже пойти на заключение мира с Бонапартом<sup>23</sup>.

Возрождение интереса французской печати к русской тематике во многом было связано с планами Наполеона в отношении Петербурга. «Бонапарт был первым из французских государственных деятелей, кто сумел понять во всем значении важность для Франции союза с Россией. Он видел в русском союзе не случайную конъюнктурную сделку, а покоящийся на прочной основе государственных интересов важнейший элемент французской национальной политики....», – полагал А.З. Манфред<sup>24</sup>.

Наполеон, порвавший с политикой Директории, с первых дней своего правления задумался о возможном союзе с Россией. Такой союз гарантировал крах Второй антифранцузской коалиции и сулил немало выгод в сфере международных отношений. Первый консул при поддержке Петербурга желал создать антианглийский союз, который бы втянул в свою орбиту государства не только Европы, но и Америки. В этом случае открылись бы перспективы вытеснения англичан из Азии и Индии. Наполеон писал: «мир с Австрией – ничто, в сравнении с союзом, который смирит Англию и обеспечит за нами Египет». Он размышлял и о разделе Османских владений между Францией и Россией, подчеркивая, что если Павел направит свои взгляды в эту сторону, их «интересы станут общими»<sup>25</sup>.

А. Сорель предполагал, что на формирование внешнеполитической концепции Наполеона оказали влияние доклады агента французских властей в Петербурге Гюттена, поступившие в брюмер VIII года<sup>26</sup>. Гюттен утверждал, что Франции не стоит рассчитывать на прочные и длительные союзные отношения со своими соседями, а следует искать союза с «великой державой, которая по своему географическому положению считала бы себя вне опасности от нашей армии и наших принципов»<sup>27</sup>. Автор записки сулил широкие перспективы и преимущества Франции после заключения такого союза, «ведь две державы, объединившись, могли бы диктовать законы всей Европе». Напоминал он французским властям и о необходимости раздела

<sup>23</sup> Ibid. № 212. 2 floréal, an VIII.

<sup>24</sup> Манфред А.З. Указ. соч. С. 363.

<sup>25</sup> Correspondance de Napoléon. P., 1861. Т. 6. Р. 326. Наполеон интересовался самыми свежими данными о состоянии русских финансов, армии, флота, численности населения страны и, в частности, крупных городов. Эти сведения поступали к нему из министерства иностранных дел. (Ibid. P. 520).

<sup>26</sup> Сорель А. Указ. соч. Т. 6. С. 25-26.

<sup>27</sup> Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I / Под ред. А.С. Трачевского Т. 1 (1800-1802 гг.) // Сборник РИО. СПб., 1890. Т. 70. С. 647.



европейских владений Турции, после которого «Россия из своих азиатских владений... могла бы подать руку французской армии в Египте и, действуя совместно с Францией, перенести войну в Бенгалию»<sup>28</sup>. Безусловно, Гюттен, находясь в Петербурге, вряд ли мог знать, что в тот момент, когда он писал эти строки, Египетская экспедиция приближалась к своему печальному концу, а генерал Бонапарт уже возвращался во Францию.

Тем не менее, эти мысли о необходимости союза с Россией, как ни покажется это странным, принадлежали перу человека, которого трудно назвать ее убежденным другом. В своем мемуаре 1796 г. «Политические соображения о России» тот же Гюттен писал, что не стоит опасаться преобладания и роста этой «деспотической» империи, которая слишком обширна сама по себе и «обрушится под своей собственной тяжестью»<sup>29</sup>.

Вместе с тем, далеко не все в политических кругах Франции с пониманием относились к курсу Бонапарта на сближение с Россией. Так, гражданин Бонно, бывший консул и поверенный в делах Франции в Польше, направил консулам Республики мемуар, где в драматическом тоне подчеркивал опасность экспансии России на Запад и предлагал положить конец ее притязаниям<sup>30</sup>.

По-прежнему критическим оставалось отношение к России и в лагере республиканцев: язвительный юмор, гротеск и заявления о «русском варварстве» и «деспотизме» еще долго не исчезали со страниц левой, но уже далекой от прежнего радикализма, популярной газеты *Journal des hommes libres de tous les les pays*, которой теперь владел сам наполеоновский министр Жозеф Фуше<sup>31</sup>. Здесь сообщали, например, о том, что в России резко уменьшилось число типографий, и подчеркивали, что «так и должно быть в стране, где боятся прогресса просвещения»<sup>32</sup>. Журналисты не упускали случая подчеркнуть варварство недавнего противника Франции, публикуя корреспонденцию из Чехии об ужасном поведении русских войск в Праге: «Во время своего пребывания в городе, они убили двух жителей посреди белого дня.... Нет такого горожанина, который не проклинал бы императора,

<sup>28</sup> Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I. С. 648.

<sup>29</sup> Цит. по: *Тарле Е.В.* Жерминаль и Прериаль. М., 1951. С. 56, 261.

<sup>30</sup> *Corbet Ch.* Op. cit. P. 44.

<sup>31</sup> Республиканская *Journal des hommes libres de tous les pays*, являла собой полную противоположность официальному *Moniteur*. Однако власти оказывали на нее день за днем все большее давление и к концу VIII года новости о России в газете почти вовсе перестали появляться. См.: *Fajn M.* Le «Journal des hommes libres de tous les pays» // *AHRF*. 1975. № 220. P. 273-288.

<sup>32</sup> *Journal des hommes libres*. № 57. 3 pluviöse an VIII.

призвавшего этих беспокойных и варварских гостей»<sup>33</sup>. Доставалось и русскому императору, провозгласившему себя магистром Мальтийского ордена: газета сообщала о том, что даже друзья по коалиции не желают признавать за православным монархом этого титула и рассказывала читателям едкие анекдоты о «сумасбродствах» русского царя<sup>34</sup>.

Столь же критично относилась к России и республиканская публицистика, ярким примером чему является написанная в тот период в жанре политического памфлета «История России» Сильвена Марешаля<sup>35</sup>.

Не удивительно, что от Бонапарта и его окружения, считавших заключение союза с Россией важнейшей задачей французской дипломатии, требовались немалые усилия для того, чтобы склонить общественное мнение Франции в пользу подобного изменения внешнеполитического курса страны.

Важным моментом в этой пропагандистской кампании стала публикация программного сочинения «О состоянии Франции в конце VIII года». Относительно авторства этого произведения современники и историки высказывали разные мнения. Жозеф де Местр, например, приписывал его Талейрану, однако французский историк дипломатии М. Понятовский полагает, что у этого сочинения было три автора. Помимо Талейрана, которому он отводил важнейшую роль вдохновителя данного произведения, в редактировании, по всей вероятности, принимал участие и Наполеон<sup>36</sup>. Собственно же составителем и официальным автором этого текста, к которому приложили руку столь высокопоставленные редакторы, был известный дипломат Александр-Морис Блан де ля Нёт д'Отерив (1754-1830). Выходец из дворянской семьи, он получил образование в коллегии ораторианцев и вступил на внешнеполитическое поприще еще в годы могущества герцога Шуазеля. Революция не помешала его карьере профессионального дипломата: д'Отерив проделал огромный путь от рядового служащего до одного из первых лиц в официальной иерархии наполеоновской империи. После работы в Оттоманской империи и миссии при дворе молдавского господаря в Яссах, он исполнял обязанности консула в Нью-Йорке. Вернувшись на родину уже в годы Директории, он занимал в министерстве иностранных дел важную должность начальника отдела «южных стран», а затем стал государственным советником и хранителем архива, являясь, по меткому выражению Ж. Тюлара, «серым

<sup>33</sup> Ibid. № 90. 6 ventose an VIII.

<sup>34</sup> Ibid. № 112. 28 ventose an VIII.

<sup>35</sup> *Maréchal P.-S. Histoire de la Russie, réduite aux seuls faits importants.* L.; P., 1802. См. также: *Лухоткин Г.А.* Сильвен Марешаль и «Завещание Екатерины II». Л., 1979.

<sup>36</sup> *Poniatowski M.* Op. cit. P. 111-112.

кардиналом» при Талейране<sup>37</sup>. Спустя почти год после переворота 18 брюмера, временно исполнявший обязанности министра д'Отерив и написал сочинение «О состоянии Франции в конце VIII года», содержащее апологию внешней и внутренней политики Первого консула. Оно принесло автору не только определенную известность, но и значительное вознаграждение от Бонапарта<sup>38</sup>.

Главными событиями, определившими судьбу Европы в уходящем XVIII веке, д'Отерив считал возникновение Российской империи, вступление Пруссии в ранг великих держав и развитие колониальной системы во всем мире. Таким образом, с первых же строк автор выказывал особый интерес к России.

Свой мемуар д'Отерив начал с общей оценки петровских реформ. Не желая преувеличивать или преуменьшать роль Петра в русской истории, он признал большое значение человека, дерзнувшего создать империю по западному образцу в стране наполовину состоящей из «пустынь», населенной рассеянными и полудикими народами, но при этом очень осторожно критиковал российского царя-реформатора за неразборчивость в средствах и отмечал поспешный характер его реформ. Ведь, в конечном итоге, отмечал публицист, выбор средств при проведении преобразований в стране чрезвычайно важен и неразборчивость в них не замедлила сказаться на результатах. Иначе говоря, успех петровских реформ, по мнению д'Отерива был частичным и виной тому отчасти послужило «нетерпение гения» русского императора, который, вводя новые порядки в своей стране, одновременно с этим желал уже пользоваться и результатами реформ.

Естественным следствием преобразований начала XVIII в. в России стало два независимых процесса: развитие государства происходило отдельно от процесса цивилизации, полагал д'Отерив. Уже при наследниках Петра страна, оставаясь позади всей европейской цивилизации, начала использовать в дипломатии те же самые методы, что и другие государства, и заставила принять себя в систему международных отношений Европы. Активное вмешательство России в дела на континенте изменило систему союзов, существовавшую со времен Вестфальского мира, и дало новый повод для оживления всех противоречий и застарелых конфликтов, издавна разделявших европейские страны.

Французский дипломат рассматривал Россию как равную по могуществу своей стране державу и разъяснял, при каких условиях она

<sup>37</sup> О дипломатическом ведомстве см.: *Masson F. Le department des affaires étrangères pendant la Révolution, 1787-1804. P., 1877.*

<sup>38</sup> По сведениям Ж. Тюлара д'Отерив получил от Бонапарта вознаграждение за книгу в 25 тыс. франков. См.: *Dictionnaire Napoléon. P. 865-866.*

может стать союзницей Франции. Д'Отерив доказывал, что у его соотечественников нет оснований для страха перед «русской угрозой»: «Франция, быть может, единственная страна, которая не имеет никакого повода бояться Россию, не имеет никакого интереса желать ее упадка, никакой причины чинить препятствия ее успехам и процветанию»<sup>39</sup>.

Д'Отерив утверждал, что, отказавшись от своих экспансионистских планов, Российская империя может с успехом участвовать в решении общеевропейских вопросов. Некоторые из своих мыслей, Отерив излагал в виде советов российскому императору, предлагая, например, заменить помпезную надпись на триумфальной арке в Херсоне, выгравированную льстецами Екатерины и гласящую: «Дорога, ведущая в Константинополь», на другой, более славный и разумный девиз: «Силы этой империи не будут служить отныне ее увеличению, но будут служить управлению ею». Восхваляя таланты императора, дипломат замечал, что самым мудрым решением для него было бы разделить свое государство на две части, одна из которых была бы ориентирована на страны Азии, другая – на европейские государства. Решившись на такую реформу необъятной самодержавной монархии и «подражая в этом примеру одного из мудрейших государей римской империи», Павел I мог бы создать на месте одной колоссальной, а потому плохо управляемой империи, два великих государства, прочно укрепив их в основании: «Две самостоятельные империи, которые, будучи объединены интересами близкого соседства и теми чувствами, что внушает общее происхождение, будут независимо друг от друга развивать и лелеять: первая – все ростки того процветания, которое может обеспечить обилие благотворного солнца, торговля с народами Азии через Персию и караванное сообщение с Китаем; а вторая – все те начала, что обеспечивают богатство и мощь приморских народов в Европе. Каждая из этих империй будет иметь собственную столицу: одна – Москву, другая – Петербург. Первая непосредственно завяжет торговые отношения с наиболее могущественными народами одной из самых богатых и самых промышленно развитых частей света; ее отношения с европейскими странами будут непрямыми и, таким образом, прибыль [от торговли] она будет делить со второй [империей], которая, в свою очередь через море, порты и континентальные границы будет поддерживать отношения с политической и торговой системой Европы. Две империи, меньшего размера [по сравнению с нынешней] и гораздо более прочные в своих основах, будут быстрее продвигаться бы по тому грандиозному пути развития, который сама природа открывает всем

<sup>39</sup> *Hauterive, A.-M. B. d'.* De l'Etat de la France, à la fin de l'an VIII. P., an IX (1800). P. 97-98.

новым империям. Это великое поприще окажется более четко очерчено, и они яснее увидят ту цель, к которой стремятся, и станут меньше возбуждать зависть и опасения у своих соседей»<sup>40</sup>.

При существующей же диспропорции территории и населения, российская политика, по мысли д'Отерива, будет носить столь же переменчивый и ненадежный характер, как и сами основы ее нынешнего могущества. Со своим постоянным желанием увеличивать территории то на Западе, то на Юге, Россия всегда будет держать в напряжении европейские страны, а, следовательно, и сама не сможет присоединиться к международной системе Европы и, в известной степени, обречет себя на изоляцию. Получив же «правильную федеративную систему», проводя политику мира и занимаясь внутренними делами Россия станет важным фактором европейского баланса сил, полагал д'Отерив: она «будет поддерживать равновесие на севере, тогда как Франция обеспечит его на юге, и их согласие укрепит баланс сил во всем мире»<sup>41</sup>.

Нельзя не заметить, что дипломат тактично обошел некоторые очень важные темы. Например, он ничего не сказал о таком важном факторе, во многом определявшем образ России в глазах европейцев того времени, как крепостное право. Образ «русского рабства» был неразрывно связан в общественном сознании с представлениями о России, и, обходя его молчанием, д'Отерив отступал от существовавших стереотипов.

В то же время, неоднократно повторявшийся совет русскому правительству оставить планы дальнейших завоеваний ради того, чтобы посвятить все силы прогрессу цивилизации в собственных обширных владениях, часто встречался у французских авторов и накануне Революции. И радикальная, на первый взгляд, идея разделения России на два независимых государства, быстро утрачивает свою радикальность, если вспомнить, например, о предложениях Вольтера и Дидро перенести столицу из Петербурга в Азов или Москву<sup>42</sup>. Д'Отерив не мог скрыть своих опасений относительно российской политики территориальной экспансии и прямо проводил параллели между современной ему Россией и Римской империей. И хотя эти аналогии носили достаточно нейтральный характер, все же упоминание о Риме, подорвавшем

<sup>40</sup> *Hauterive, A.-M. B. d'*. Op. cit. P. 98-99.

<sup>41</sup> *Ibid.* P. 104.

<sup>42</sup> См.: *Вульф Л.С.* Указ. соч. 336-337, *Мезин С.А.* Взгляд из Европы. С. 167 и далее, а также: *Mirabeau.* Doutes sur la liberté de l'Escaut. L., 1784, [*Mallet du Pan?*] Du péril de la balance politique de l'Europe ou Exposé des causes qui l'ont altérée dans le Nord, depuis l'avènement de Catherine II au trône de Russie. L., 1789.

свои силы политикой завоеваний, задавало определенную тональность построению образа России<sup>43</sup>.

В стремлении обосновать естественность союза Франции и России, д'Отерив обращался к истории. Он неоднократно напоминал, что Россия, не имеющая с Францией общих границ, не может нанести ей непосредственного вреда, однако приводил и ряд известных примеров вмешательства «северного колосса» в дела на Европейском континенте. По мнению дипломата, вступление России в Семилетнюю войну, а затем в войну против Франции на стороне Второй коалиции не отвечало интересам самой России, а стало следствием интриг лондонского кабинета. На «восточный вопрос» д'Отерив смотрел с протурецких позиций, характерных для кадровых дипломатов старой версальской школы. Он напоминал об упрямстве, с которым русские стараются уже в течении ста лет «изводить» Турцию, о страхах и раздорах, насаждаемых ими в Дании и Швеции, о разделах Польши, и ударах, наносимых существующему устройству Германии. Если даже Франция не сможет вступить в союз с Россией, французам следует хранить в отношении нее постоянную «бдительность» и помнить о способности Российской империи нарушить гармонию существующего в Европе баланса сил, заключал д'Отерив.

Любопытно, что эти примеры российского вмешательства в европейские дела и ранее неоднократно обыгрывались противниками российской политики в Европе, а в законченном виде получили оформление в знаменитой фальшивке «Завещание Петра Великого», представленной Директории в 1797 г. польским эмигрантом М. Сокольниковым и опубликованной 15 лет спустя в известном пропагандистском сочинении М. Лезюра<sup>44</sup>. Не исключено, что д'Отерив как чиновник дипломатического ведомства мог быть знаком с текстом этой исторической подделки. Впрочем, как бы то ни было, в своих прогнозах о взаимоотношениях России и Европы он исходил из аналогичных, ставшими уже стереотипных для того времени представлений об опасности, исходящей с «Севера».

Осторожный оптимизм автора сочинения относительно перспектив франко-русских отношений оттенялся недвусмысленным напоминанием об агрессивной политике России в отношении Турции, Швеции и

---

<sup>43</sup> О роли античных образов в общественном сознании революционной эпохи см.: *Parker T.H.* The cult of antiquity and the French revolutionaries. Chicago, 1937; *Проскурина В.Ю.* Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II. М., 2006. С. 143-145.

<sup>44</sup> *Lesur M.* Des progrès de la puissance Russe, depuis son origine jusqu'au commencement du XIX-e siècle. P., 1812. Подробнее см.: *Мезин С.А.* Взгляд из Европы. С. 161-183.

других европейских государств: «Соседи боятся ее и никогда не окажутся в числе ее друзей, никакая из европейских стран никогда не сможет со всей искренностью признать за собой это звание»<sup>45</sup>, считал дипломат, подчеркивая, что даже их альянсы с Россией будут непрочными и временными.

Сочинение д'Отрива получило международный резонанс, и довольно скоро появился ответ на него, опровергавший рассуждения автора. Этот ответ написал известный немецкий публицист, советник прусского короля, а впоследствии видный австрийский политик Ф. Генц<sup>46</sup>, предлагавший федеративную модель европейского устройства как гарантию всеобщего мира в противовес претензиям Франции: «До тех пор, – писал он, – пока Франция не вернется к справедливому равновесию с другими элементами федеративной системы Европы, будут сохраняться тайное стремление к сопротивлению ее гегемонии и тайная ненависть к французскому влиянию и господству»<sup>47</sup>.

Впрочем, довольно скоро о книге д'Отрива забыли, она никогда более не переиздавалась и разве что изредка упоминалась исследователями<sup>48</sup>. Но идеи, высказанные французским дипломатом, получили определенный отклик, в частности, в книге «Политическая картина Европы» (1802), написанной бывшим членом Национального Конвента, а затем – Совета пятисот и Трибуната – Р. Эшассерью-старшим (1754-1831). Рассуждая о перспективах установления всеобщего мира в Европе, он уговаривал Россию отказаться от завоеваний и заняться внутренним совершенствованием: «Благие предзнаменования, с которых началось царствование Александра I, сулят этой империи подлинное величие, если государь, управляющий ею, сумеет направить талант, который два его предшественника использовали для территориальной экспансии и завоеваний, на пользу цивилизации и улучшения жизни народов этой страны»<sup>49</sup>. Как и во времена Директории, смена лиц на русском престоле придала новый импульс франко-русским отношениям, и знаки уважения, а иногда и откровенная лесть, теперь выказывались по отношению к Александру I.

<sup>45</sup> *Hauterive A.-M.* Op. cit. P. 97.

<sup>46</sup> М. Понятовский полагает, что само появление мемуара д'Отрива было реакцией французской дипломатии на публикацию в 1799 г. сочинения Генца о финансовом положении Англии: [*Gentz F.* *Essai sur l'administration des finances de Grande-Bretagne.* S. 1., 1799]. См.: *Poniatowski M.* Op. cit. P. 110-111.

<sup>47</sup> *Gentz F.* *De l'Etat de l'Europe avant et après la Révolution françaises, pour servir de réponse à l'écrit intitulé "De l'Etat de la France à la Fin de l'An VIII"*. L., 1802. P. 250.

<sup>48</sup> См., например: *Bourquin M.* *Histoire de la Sainte Alliance.* Genève, 1954. P. 77-78. *Poniatowski M.* *Talleyrand et le Consulat.* Paris, 1986. P. 111-112.

<sup>49</sup> *Eshasseriaux R.* (*ainé*). *Tableau politique de l'Europe au commencement du XIX siècle et moyens d'assurer la durée de la paix générale.* P., an X (1802). P. 17.

Однако в рассуждениях того же Эшассерью о завоеваниях екатерининской эпохи звучала скрытая тревога, которую у французского правительства вызывали определенные тенденции внешней политики Российской империи: «Россия завоевала большую часть Польши и почти все Черное море, третья часть империи составлена благодаря завоеваниям и вся ее территория составляет теперь половину Европы и почти третью часть всей Азии». И хотя Екатерина II отошла в иной мир, так и не утвердившись в Константинополе, однако «ее талант, быть может, будет еще долго жить в душе властелинов Невы и Черного моря», делал вывод Эшассерью, ведь если «вожди наций» и умирают, то «великие проекты и устремления государств – никогда»<sup>50</sup>. Трудно не согласиться с Шарлем Корбе, который писал, что в годы Консульства, «за фасадом официального оптимизма чуткое ухо вновь могло слышать нотки страха перед Россией»<sup>51</sup>.

Таким образом, идеологи бонапартистской политики пытались строить позитивный образ России как возможной союзницы Франции при помощи традиционных и в целом негативно окрашенных стереотипных представлений о Российской империи, существовавших еще со времен версальской дипломатии середины XVIII в. Отличие было лишь в том, что д'Отерив и другие бонапартистские пропагандисты вместо устаревшей идеи сдерживания российской экспансии при помощи «восточного барьера» предлагали заключить союз с Российской империей, сохраняя при этом в душе прежний страх перед «северным колоссом».

Сочинение д'Отерива, объединявшее в себе страхи и надежды французского общества связанные с Россией, и, с одной стороны, все еще относившее Российскую империю к числу потенциальных врагов Франции, а с другой, призывавшее к союзу двух стран, было весьма характерным для того времени. Политики и дипломаты, отвечавшие на вызовы новой эпохи – эпохи, когда без участия России уже не могли решаться судьбы Европы, оценивали потенциального союзника, всецело оставаясь во власти традиционных опасений перед мощью России и глубоко укорененной в национальном сознании системы стереотипов.

---

<sup>50</sup> Ibid. P. 80.

<sup>51</sup> Corbet. Op. cit. P. 46.